

Вырезка из газеты

МАГНИТОГОРСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Магнитогорск

12 АПР 1985

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

Актер, певец, прозаик

С тех пор, как начали появляться в печати повести и рассказы Валерия Золотухина, соответственно реже мы видели интервью с ним.

В общем, и во второй приезд Валерия Золотухина в Магнитогорск (первый был пять лет назад) беседа не состоялась. Зато было несколько концертов, организованных городским обществом книголюбов, и похожих, и непохожих друг на друга, где актер постарался представить зрителям все грани своего творчества.

О концерте и рассказу — с помощью той книги, которую издавала показала нам ведущая и которая, как оказалось, имеет совершенно неожиданную аннотацию. Не обычную, расхожую, типа «в автобиографических повестях и рассказах известного актера рассказывается о детстве, о нелегком пути на сцену, о людях, которые помогли выбрать главную в жизни дорогу, о товарищах по искусству», а «как трудно и как важно в каждодневной занятости и суете остановиться и осмыслить свою судьбу, прислушаться и проверить, не перечеркнули ли ты в себе детство, не забыл ли ты свое крылечко». И все.

С чего же начнем? Да с чего Валерий Золотухин начал — с песни.

«...другой профессии не знаю. Не представляю себя в другой. Родился артистом. Ничего другого не умел и не умею, за что не нравлюсь тебе. Даже то, что ходил на костылях почти до десятого класса, — не остановило, потому что верил... Даже то, что некоторые учителя называли гадким утенком, не советовали, — не удержало. Профессия пришла раньше осознания, с первым криком в родильном доме. С двух-трех лет за песни, что научила мать, брал мзду — молоко, мед... Поэтому считаю себя профессионалом, как стал помнить...» («На Исток-речушку, и детству моему»).

Стоят перед глазами три работы, три взлета его, таких разных, но которые не могли родиться без песенного детства его в алтайском селе и отделения музыкальной ГИТИСа, и театра на Таганке, и раздумий о песне и жизни.

«Бумбараш», «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова», «На всю оставшуюся жизнь». Соответственно главная роль, эпизод, эпизод. Но не в том дело. Главное — других Бумбараша, тургеневского певца Яшку Турка, тронувшего умом, поющего по поездам дядю Сашу мы не представляем.

Потому что он не сыграл — спел эти роли. Спел, как прожил. Оттого изысканные песни-стилизации Юлия Кима («Бумбараш»), «Не одна во поле дороженька...» («Жизнь и смерть дворянина Чертопханова») и «инвалидно-вагонная» песня дяди Саши («На всю оставшуюся жизнь») — одного корня. Народного.

«Мы с Михаилом Боярским друзья, но все же какие мы певцы, да еще чтобы нам в этом деле подражали. Мы артисты драмы, поющие артисты, но драматические. Главное в нашей профессии — говорить как следует». («Мой Лемешев»).

Что касается Золотухина — как знать, как звать...

«Усадил я их в пустом полутемном партере и стал рассказывать, что такое есть, собственно, театр на Таганке, как он был создан... и чем отличается от других, и почему Академический театр имени Моссовета я променял на этот маленький, деревянный, который стал моей судьбой, моим крылечком в столице, моим главным делом». («Землянки»).

Он сыграл небольшой отрывок из давнего поэтического спектакля театра «Товарищ, верь!». Впрочем, отрывком из спектакля этот кусочек концерта и не выглядел. Две песни и стихи между ними. Но в них был ясно виден подход театра и Золотухина как актера этого театра к хрестоматийному материалу — он подавался совсем не хрестоматийно, максимально приближая великого Александра Сергеевича к нам. Совсем как у Булата Окуджавы, песню которого так чудесно исполнил актер: «Извозчик стоит, Александр Сергееч прогуливает-ся...»

Как театрального актера Валерия Золотухина знают немногие.

А ведь «возрос» он там, там — корни,

«крылечко», точка отсчета. А ведь сыграл он там много всего. «10 дней, которые потрясли мир», «Пугачев». И даже ни много ни мало — московского интеллигента Глебова из «Дома на набережной» (судя по отзывам очевидцев, сыграл умно и зло).

В прошлый свой приезд о театре он рассказывал много и охотно. В нынешний же рассказал ничего.

«Мука беспросветная, оттого, что, по каким-то не твоим причинам, ты играешь не то, что любишь, а репетируешь не то, что надо». «Вспоминал, как жевал сургуч в «Панете», как летал Бумбарашем на воздушном шаре в одних подштаниках... и почему Моцарт с такой определенностью говорит Сальери: «Довольно... сыт я...» («Землянки»). «Ну что, брат, растиражировал ты себя вдребезги. На кан্দом углу продаешься за пятак, из каждого репродуктора орешь почти почем зря...» («Дребезги»).

Ему есть что вспомнить, чем гордиться. И чего стыдиться — без этого нет творческого человека, ибо разными гранями оборачивается редкое его везение и популярность.

От «Пакета» до нового фильма «Человек с аккордеоном», отрывок из которого мы увидели на концерте, без малого двадцать лет.

Кино не торопится разрушать актерские легенды, ему милее привычная маска Золотухина — героя «из народа». «Человек с аккордеоном», может быть, станет одним из немногих фильмов, где мы увидим Золотухина снова с музыкальным инструментом, снова поющего, но другого.

«Народный» — это не значит, что повторяющийся. «Народный» — это неисчерпаемый.

Было бы что играть.

«Я завишу от моих воспоминаний, которые сыплются из меня по ночам» («Клоуны»). «Друзья обвиняли меня в неадекватной запутанности и невнятности построения, а язык порой, дескать, напоминает бормотание юродивого...» («Дребезги»). «Я мучаюсь отсутствием нужных слов для выражения моих и без того путанных мыслей. И я мешаю жанры» («Землянки»).

Да шут с ними, с жанрами. Проза Золотухина напрочь, в ключья рвет внешне благополучное бытие известного артиста, и не будь их, этих странных повестей-рассказов-очерков-путевых заметок, что бы мы о нем знали, о его душе?

Наверное, в прозе, как ни в одном другом из видов его творческого самовыражения, он наиболее близок к себе самому. К Валерию Золотухину, какой он есть.

Он блестяще играл отрывки из своей автобиографической прозы. Особенно рассказ о Владимире Высоцком. Жаль только, что играл, а не читал.

...Надо ли говорить, что концерт смотрелся на одном дыхании. И что свободных мест не было...

В. МОЗГОВОЙ.
Фото Г. Обрезкова.